

Военное судопроизводство в армейских частях на территории Сибири в XVIII в.: официальный механизм и реальная практика

Статья посвящена рассмотрению деятельности органов военного судопроизводства в частях русской регулярной армии, дислоцированных в Сибири в XVIII в. Выявлены особенности функционирования этих органов в процессе рассмотрения дел обвиняемых и вынесения приговоров. Установлено, что вышестоящие инстанции (командование Сибирского корпуса, генерал-аудиторская экспедиция Военной коллегии) зачастую смягчали приговоры, выносимые полковыми судами тех воинских частей, где служили обвиняемые. В ряде случаев дисциплинарную ответственность за проступки своих подчиненных также несли их командиры, в некоторых эпизодах к участию в процедурах следствия и суда подключались гражданские власти.

Ключевые слова: русская армия, военное судопроизводство, Сибирь, XVIII век

Сфера военного судопроизводства и система специализированных судебных органов, сложившаяся еще при Петре Великом и функционировавшая на всем протяжении XVIII в., до сих пор остается по большей части «белым пятном» в отечественной исторической науке. Среди исследований историко-юридической направленности, в которых уделено внимание данной сфере, можно назвать лишь единичные работы¹. Отдельные вопросы, связанные с ее становлением в первой четверти XVIII века², равно как и некоторые аспекты сложившейся в ее рамках правоприменительной практики³ уже изучались исследователями. Однако конкретные механизмы деятельности военно-судебных органов (в частности, проведение следственных действий, рассмотрение показаний подсудимых, нормы, которыми руководствовались судьи при вынесении приговоров по конкретным делам, и возможности для изменения этих приговоров высшими инстанциями) по-прежнему практически не изучены. Целью настоящей публикации является выявление и краткая характеристика основных параметров функционирования военных судов (кригсрехтов) в частях русской армии, дислоцированных на территории Сибири в послепетровскую эпоху и вплоть до конца XVIII в.

Источниковой базой служат для нас дела из фонда Генерал-аудиторской экспедиции канцелярии Военной коллегии в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА, ф. 8). Из трехсот с лишним судебно-следственных дел, рассматривавшихся в отношении военнослужащих из состава армейских частей в Сибири, мы выделяем около десятка представляющих интерес в силу тематического содержания, либо особенностей

---

* **Дмитриев Андрей Владимирович**, кандидат исторических наук, доцент, Новосибирский государственный университет. E-mail: khaldeus@academ.org

¹ *Розенгейм М.П.* Очерки истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб., 1878. 377 с.; *Петухов Н.А.* История военных судов России. М., 2003. 345 с.

² *Серов Д.О.* Судостроительство и судопроизводство в России накануне судебной реформы Петра I: тенденции развития (1696–1716 гг.) // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2008. Вып. 7: Источник и его интерпретации. С. 92–138; *Он же.* Забытые редакции Артикула воинского и «Краткого изображения процессов или судебных тяжб». (Из истории кодификации военного законодательства России XVIII в.) // Lex Rossica. Февраль 2013. № 2 (Т. LXXV). С. 113–121.

³ *Калашников Г.В.* Офицеры под судом и следствием. Из истории офицерского корпуса русской армии (1725–1745) // Кодекс-info. 2000. № 2. С. 80–87; *Азнабаев Б.А.* Правонарушения служащих дворян Оренбургского корпуса во второй половине XVIII в. // Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII в. М., 2012. С. 494–520; *Проскурякова М.Е.* «Бежав ис полку...»: феномен дезертирства в контексте истории судебной практики первой половины XVIII в. // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 8: История. С. 82–92.

внутренней структуры и сохранности документов. На основании анализа материалов этих дел мы можем получить подробное представление о практической деятельности военно-судебных органов этих воинских частей и тех факторах, которыми обуславливалось вынесение приговоров и их корректировка, зачастую имевшая место в Военной коллегии. В содержательном отношении данные дела подразделяются по двум направлениям: о нанесении материального (финансового или имущественного) ущерба и о тех или иных нарушениях дисциплины и воинского долга, а также связанные с тяжкими преступлениями – убийствами или телесными повреждениями, плюс нарушения господствующей морали и общественной нравственности.

Как и в других частях русской армии XVIII в., в состав полковых судов сибирских подразделений входили президент (презус) – штаб-офицер и несколько асессоров из числа обер-офицеров, включая также полкового аудитора. Так, в 1752 г. при созыве военного суда (кригсрехта) в Новоучрежденном гарнизонном драгунском полку в его состав полковым командиром подполковником И. Кенеманом были включены восемь человек: секунд-майор К. фон Энден (президент), капитан Н. Поляков, поручики Я. Функ и А. Теснинский, прапорщики П. Шишкин, В. Дьяконов, И. Коробейников, по должности – аудитор М. Оболтин⁴. Им предписывалось произвести дознание (фергер) и вынести решение в отношении троих военнотружущих того же полка – поручика Ф. Дмитриева, барабанщика Ф. Ошанина и драгуна И. Лалетина. При этом в обязательном порядке у последних выяснялось, не считают ли они нужным дать отвод кому-либо из судей вследствие личной неприязни или каких-то иных причин: «О подозрении судейском спрашиваны, не имеют ли они из вышеписанных присудствующих и аудитора кого себе подозрительна, на что они ответствовали, что де из вышеписанных судящих подозрительна себе никого не имеют и при суде ими доволны быть имеют, в чем и подписались»⁵.

После этого все члены суда были приведены аудитором к присяге, формула которой звучала следующим образом: «Мы, к настоящему воинскому суду назначенные судии, клянемся всемогущим Богом, что мы в сем суде в прилучающихся делех ни для дружбы или склонности, ни подарков или дачей, ниже страха ради ни для зависти и недружбы, но токмо едино по челобитью и ответу по ея императорскаго величества нашей всемилостивейшей государыни императрицы воинским пунктам, правам и уставам приговаривать и осуждать хощем право и нелицемерно так, как нам ответ дать на Страшном суде Христове, в чем да поможет нам Он, нелицемерный судия»⁶. Далее начиналась процедура допросов подсудимых и (при необходимости) свидетелей, причем свидетели также приводились к присяге полковым священником. Вот как приносил ее, например, выступивший свидетелем по упомянутому делу вахмистр П. Фадеев: «Обещаюсь и клянуся всемогущим Богом пред святым его Евангелием о том, что хочу и должен в деле сем, х которому призван во свидетелство от суда, мне в подлежащих вопросах, о чем меня спрашивать будут, ответы свои справедливо самую истинную правдою, ничего не утая и не прибавя и ни на кого не посягая и никому не нарова ни для дружбы или склонности, ни подарков или дачей, ниже страха ради ни для зависти и недружбы, но толь паче по своей чистой христианской совести, что знаю и видел или что сам слышал, во всем право и нелицемерно объявить так, как я пред Богом и судом его Страшным в том всегда ответ дать могу, в чем мне Господь Бог душевно и телесно да поможет, в заключении сей моей клятвы целую слово и крест Спасителя моего имянно»⁷.

О том, каким образом с обвиняемых снимались допросы, можно судить по материалам дела в отношении троих рядовых Ширванского мушкетерского полка, в 1788 г. оказавшихся под следствием за убийство одного и избивание еще нескольких крестьян в Курган-

⁴ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 8. Оп. 1. Д. 1274. Л. 44.

⁵ Там же. Л. 44 об.

⁶ Там же. Л. 45.

⁷ Там же. Л. 42.

ском уезде после того, как военнослужащие повздорили с последними, столкнувшись на узкой дороге. Солдаты утверждали, что всего лишь нанесли одному из встреченных ими на возах с сеном крестьян несколько ударов хлыстиком, дабы заставить их освободить дорогу для свободного проезда, однако двое крестьян начали с ними драться, так что мушкетеру И. Клинкову пришлось ударить одного из них деревянной вехой по затылку. Удар оказался смертельным, после чего другой крестьянин (Ф. Предеин, родной брат погибшего С. Предеина) бросился бежать. Солдаты попытались догнать его, но безуспешно. Сами подсудимые объяснили попытку погони следующим образом: «Сия погоня была не из злого умыслу, чтоб тово крестьянина умертвить, а толко чтоб ево возвратить к их с сеном возам и не допустить до Утяцкой волости, куда им следовать было должно, дабы оной не дал знать о той драке сказанной волости крестьянам, и чрез бы то не произошло между ними вящей драки»⁸.

Прибыв на квартиры, рядовые не сообщили командиру своей партии, подпрапорщику И. Сосунову, о происшедшем, но уже ночью к последнему пришли с жалобой крестьяне той волости, где проживали пострадавшие, после чего подпрапорщик распорядился взять обвиняемых под караул. Поскольку происшествие касалось не только военнослужащих, но и гражданских лиц, в дело вмешался также Курганский земский суд, определивший произвести «повальный обыск» и снять показания с крестьян – как с пострадавшего, так и с очевидцев и свидетелей – в волостном суде. Их показания доставил в распоряжение Ширванского полка дворянский заседатель земского суда Е. Гартман. Крестьяне, в свою очередь, обвиняли именно солдат в том, что они начали драку, поэтому последовали очные ставки. На них обе стороны продолжали давать разноречивые показания: «Хотя ж вышепомянутым подсудимым мушкетерам, а также крестьянину Предеину в их разногласных показаниях и запираательствах и зделано было судейское увещевание, но оное им подействовать не могло, почему отсыланы были от воинского суда при ведении к священнику для увещевания по правилу святых отец»⁹. В итоге составленный судом генеральный экстракт содержал лишь обвинения мушкетеров в избиении и убийстве, а подпрапорщика Сосунова – в том, что он отпустил их из своей команды вопреки приказу ротного командира. Экстракт этот был им «в присутствии воинского суда по пунктам читан, и на каждой пункт спрашиваны, не имеют ли чего показать в дополнение или принести что к своему оправданию, и в преступлении своем... по силе воинских артикулов винными себя признавают ли, по которому и объявили, что они каждой себя в вышеизъясненных ими преступлениях винными признают и более в дополнение и ко оправданию показать ничего не имеют, в чем и подписались»¹⁰.

В ряде случаев следственные действия и подготовка экстрактов из допросов для вынесения обвинительного заключения затягивались, когда подсудимые пытались искать поддержки у высшего начальства или старались оговорить неугодных им лиц, дабы отвести от себя внимание следствия. Так, в 1761 г. капитану Енисейского гарнизонного пехотного полка П. Щеголеву было предъявлено сразу несколько обвинений – в двоеженстве (отправляясь на службу в Сибирь, он женился второй раз при живой первой супруге, оставшейся в Белгороде) и в растлении двоих 14-летних девочек, находившихся у него в доме в услужении (одна – вольная прислуга, вторая – из дворовых)¹¹. Однако Щеголев сначала написал целых три челобитных, адресованных в Военную коллегию, Сенат и Синод, в которых утверждал, что его напрасно преследуют сибирский губернатор Ф. И. Соимонов и сибирский митрополит Павел. Когда же командующий Сибирским корпусом генерал-майор И. фон Веймарн не допустил их отправки и обнаружил, вскрыв конверты, что в них содержались обвинения в адрес указанных лиц, Щеголев в январе 1762 г. сочинил слезное

⁸ РГВИА. Ф. 8. Оп. 5. Д. 1295. Л. 5 об.

⁹ Там же. Л. 10.

¹⁰ Там же. Л. 11.

¹¹ Там же. Оп. 3. Д. 1356. Л. 3–5 об.

прошение самому Веймарну, в котором молил командующего разрешить ему лично отправиться из расположения полка (на тот момент – в Колыванском заводе) в Тобольск для примирения с губернатором и митрополитом.

Письмо это представляет собой любопытный образчик смешения льстивых унижений с гордыней и тщеславием. В первых же строках автор уверяет, что «хотя я по моему горестному несчастью в свете ныне обиженной и изгнанной ваше превосходительство сим моим прошением утруждать и недостойн, однако уповая на великодушие и милость вашего превосходительства возымел смелость... покорно прошу впредь меня усердно вашею властью отеческою милостию наградить, дабы я, видя вашего превосходительства к себе милость, хотя б мало мог избавитца от печали и от слез»¹². Далее Щеголев напоминает о том, что участвовал в битве при Гросс-Егерсдорфе 1757 г., когда сам Веймарн занимал должность генерал-квартирмейстера при главнокомандующем русской армией С. Ф. Апраксине: «Соизволите ваше превосходительство не погнушатца вспомнить, что по воли Божией я был почти в одном месте с вашим превосходительством». Добиваясь возможности выехать в Тобольск, он просил вернуть ему упомянутые челобитные «для некоторой переправки в них... либо и совсем оныя мне усердно и милостиво отечески возвратить». Более того, Щеголев рассчитывал получить от генерала «милосердную рекомендацию» в его ставку в Омской крепости, а уже оттуда направиться в Тобольск «как к его высокопревосходительству Федору Ивановичу (Соймонову. – А. Д.), так и к его высокопреосвященству»¹³.

Особенно замечательно выглядят последние фразы письма. Капитан буквально молит командующего: «Помилуй, милосердый государь, батюшка, изведи как властно ис темницы душу мою, а в Колыване мне жить весьма скучно, понеже я в свете рожден, а не во тьме...» – и раскрывает свое главное желание: «Авось либо по рекомендации вашего превосходительства его высокопревосходительство Федор Иванович со мною, з бедным, и по прежнему умилосердитца, и перевел бы меня по желанию моему в Тобольской полк»¹⁴. Как видно, Щеголев был чрезвычайно высокого мнения о собственной персоне, хотя выслужил дворянство в обер-офицерских чинах, сам будучи сыном священника. Однако Веймарн не поддавался на эти льстивые мольбы и хотя согласился выпроводить капитана в Тобольск, но заметил в письме к губернатору: «Как видно, вышепомянутой господин Щеголев знатно в своем состоянии едва ль воздержан». В Тобольске Щеголева поместили на гауптвахту на все время следствия, но и здесь он попытался избежать невыгодного для него приговора. Сначала он попробовал сбежать из-под караула, дабы уехать в Москву, для чего сговорился с одним из посадских, чтобы тот предоставил ему телегу с тремя лошадьми, а когда его сообщник был задержан солдатами, обратился к обер-коменданту Тобольска генерал-майору фон Фирстенбергу, заявив, «что имеет он объявить... секрет, которой де времени нимало не терпит, и кроме ево... объявить никому не должен». «Секрет» заключался в словах о том, что сибирский митрополит Павел якобы пренебрег некоторым «всевысочайшим именованным повелением» императрицы Екатерины II, «а в какой именованности то пренебрежение, о том писменным своим доношением утверждает доказать и точно представить во учрежденной... ныне вновь о церковных имениях комиссии за свидетельством писменное о том доказательство»¹⁵.

Сибирская губернская канцелярия отнеслась к словам Щеголева весьма серьезно и потребовала доказательств митрополичьего «пренебрежения», однако донос этот, как довольно быстро выяснилось, был от начала до конца ложным. На допросе 16 июля 1763 г. Щеголев сначала объявил, что ничего не покажет, «ибо де он имеет на всех присутствующих подозрение» (т. е. считает чиновников канцелярии пристрастными и недоброжела-

¹² РГВИА. Ф. 8. Оп. 3. Д. 1356. Л. 46.

¹³ Там же. Л. 46–46 об.

¹⁴ Там же. Л. 46 об. – 47.

¹⁵ Там же. Л. 53–53 об.

тельно к нему настроенными), а далее принялся запугивать собравшихся, уверяя, что документальное свидетельство в подтверждение его доноса «отослано де им еще наперед с приятелем ево в Москву, а по случаю ево уезду и в Санкт Петербург, а с кем оное послано и когда, того в губернской канцелярии... не покажет»¹⁶. Когда же ему было предложено принести в канцелярию запечатанный конверт со своим посланием, которое чиновники обязывались, не раскрывая, сразу отослать в Сенат, Щеголев, разумеется, отказался, заявив, что «такого доношения он не напишет, ибо и оное следственно будет к посылке чрез губернскую канцелярию, и в той посылке он за показанным губернской канцелярии при-судствующих подозрением состоит сумнителен»¹⁷.

Когда же он через несколько дней все-таки отдал караулившему его на гауптвахте поручику Заполеву запечатанный конверт со своим доношением, адресованным в Сенат, то при вскрытии в нем обнаружена была только жалоба на митрополита, который подсудимого якобы «без настоящего следствия развел со второю женою, и согласясь с Сибирскою губернскою канцеляриею, купленную им девку отнял без всякой вины и свободил на волю, и что он (митрополит) заключил на пятнадцать лет в Успенском соборе богу молитца, и в сажении в нынешнем году в пустую башню скована в цепь на три дни без даяния пищи, и во отобрании у него ж Щоголева оным митрополитом собственных ево денег золотых червонных и рублевой монеты всего на четыре тысячи рублей, також посуды сребренной и золотой, и часов карманных, и в протчих ево собственных обидах, а важности никакой во оном не изъяснено»¹⁸. Тут у местной администрации лопнуло терпение. Временно правившие делами губернии после отъезда в Москву уволенного в отставку Ф. И. Соймонова до прибытия на смену ему Д. И. Чичерина действительный статский советник А. Колударов и князь М. Чхеидзе квалифицировали все показания Щеголева «как за единозатейныя и никакой справедливости не имеющие» и направили подготовленный экстракт из материалов дела «о всех ево прежних непорядочных поступках» напрямую в Военную коллегию¹⁹. По решению коллегии подсудимый был уволен со службы для исполнения наложенной на него митрополитом епитимьи в продолжение 15 лет. Поднося на утверждение лично императрице принятое решение, губернатор Чичерин даже заметил: «Дерзость капитана Щоголева ясно доказана от нестерпеливости наложеннаго на него так продолжительнаго и мучительнаго штрафа, стараясь избежать, и с того запутался в тягчайшия сети, и тем милости вашего императорскаго величества не заслужил».

Бывали также случаи, когда непосредственное начальство обвиняемых офицеров не спешило давать ход делу по поступающим доносам. Однако если сведения об этом доходили до вышестоящих инстанций, то наряду с назначением расследования, как правило, привлекались к нему и те лица, которых подозревали в утаивании проступков своих подчиненных. В 1775 г., например, двое денщиков капитана 2-го Омского гарнизонного пехотного батальона Н. Селецкого, «явившись из бегов» в Железинскую крепость, объявили командующему 1-м Омским батальоном полковнику Т. фон дер Роопу, «бутто б упомянутой капитан Селецкой принуждал их над собою мужеложествовать», более того, что они уже приносили соответствующую жалобу коменданту Ямышевской крепости, где был расквартирован 2-й Омский батальон, секунд-майору Г. Кашаеву и капитану Н. Курбатову. Информация об этом была подана командующему Сибирским корпусом генерал-майору И. А. Деколону, который выразил удивление тем, что «по справке в канцелярии моей оказалось от господина коменданта Кашаева никогда ко мне доноσιμο не было», и приказал нарядить следствие: «Как тот их, денщиков, донос на капитана Селецкова о столь богомерском и противном государственным и естественным законам поступке, справедливо ль или ложно затеянной, требует строжайшаго испытания ... накрепко и тон-

¹⁶ РГВИА. Ф. 8. Оп. 3. Д. 1356. Л. 53 об.

¹⁷ Там же. Л. 54.

¹⁸ Там же. Л. 54 об.

¹⁹ Там же. Л. 55 об. Текст этого экстракта содержится на следующих листах архивного дела, см.: Там же. Л. 56–67.

чайше по точному основанию воинского процесса и формы ... исследовать. От господина ж коменданта Кашаева и капитана Курбатова, подлинно ль им от оных денщиков о мужеложстве Селецкого объявляемо было, и для чего ими о том умолчано, и от первого ко мне не донесено ... отобрав объяснении, к тому ж следствию присовокупить»²⁰.

Вынужденный объясниться, комендант Кашаев оправдывался тем, что оба денщика капитана Селецкого выдвинули против последнего это обвинение, будучи «напившись пребезмерно допьяна», а когда их вели под караулом на гауптвахту, «крычали и ругали капитана всячески скверно бранными поносительными словами середнародно»²¹. Комендант велел оставить их там («до утра содержать, пока проспятся»), а потом приступил к допросу, но, вероятно, не считал нужным им верить. По крайней мере, он не принял на веру их слова, так как они «еще они не совсем проспались и еще необычайны были», хотя по-прежнему обвиняли капитана Селецкого. Лишь после того, как оба окончательно протрезвели, Кашаев снова допрашивал их, «за что они капитана Селецкого поносили и употребляли сквернословие, на что они объявляли ... от пребезмерного де пьянства, что они как капитана Селецкого поносили и ругали, не помнят»²². Решив, что не стоит придавать значения такому обвинению, комендант сделал им внушение, что если этот офицер каким-то образом их обидел, тогда «о том бы жалобу они приносили формально, а не так, как будучи весьма без чувства пьяны, середнародно крычать и ругать ево». Кашаев особенно отметил, что на его решение «от них никакой о том жалобы произносимо мне не было ... а что... некуда по команде рапортовано не было, то не ис похлебства и понаровию капитану Селецкому, а единственно показалось мне оное странно, да и они ж сами объявили, что чем капитана Селецкого поносили, в пьянстве не помнят»²³. Тем не менее, назначенный суд под председательством батальонного командира премьер-майора С. Красноперова, заслушав еще нескольких свидетелей, также подтвердивших, что слышали от денщиков капитана о подобных деяниях, вынес обвинительное заключение («сентенцию»), утвержденную в 1777 г. уже новым корпусным командиром генерал-майором А. Скалоном и Военной коллегией²⁴.

Неразграниченность военного и гражданского управления как в административной, так и в судебной сферах, порождала ряд казусов, когда обвинения против военнослужащих выдвигались теми или иными учреждениями в структуре местного (губернского) аппарата власти, иногда в связи с эпизодами, имевшими место минимум за несколько лет перед тем. Таково было, например, дело поручика 1-го Омского батальона Ф. Сединкина, с которого казенная палата Кольванской губернии постаралась взыскать более 1 тыс. руб. в 1793 г. за утечку из бочек и недостаток вина в Ямышевской крепости в период 1783–1784 гг. (т. е. почти десять лет спустя!), когда тот, будучи еще сержантом, исполнял там должность винного пристава²⁵. Расследование тянулось более двух лет, поскольку значительная часть документов о приходе и расходе вина в крепости уже оказались утраченными, а ее комендант Кашаев еще в 1789 г. вышел в отставку и уехал из Сибири. Однако решением батальонного суда, которое поддержал также корпусной командир генерал-поручик Г. фон Штрандман и утвердила Военная коллегия, Сединкин был оправдан, поскольку, даже занимая указанную должность, не имел соответствующих полномочий, а приходом и расходом вина распоряжались сам комендант и его писарь Ефремов (к тому времени умерший). Более того, военный суд предложил взыскивать большую часть этой суммы именно с тех лиц, которые тогда состояли в казенном департаменте Кольванской губернии, поскольку военные власти неоднократно просили разрешения на постройку в крепости каменного магазина для хранения вина, которое содержалось в неприспособленном

²⁰ РГВИА. Ф. 8. Оп. 5. Д. 241. Л. 285–286.

²¹ Там же. Л. 293–293 об.

²² Там же. Л. 293 об. – 294.

²³ Там же. Л. 294.

²⁴ Там же. Л. 442–443 об.

²⁵ Там же. Оп. 10. Д. 2837. Л. 6–7.

амбаре, отчего и возникали потери²⁶. В 1796 г., поскольку военным властям не удалось добиться исполнения этого решения от Колыванского наместнического правления, дело было передано на утверждение Сената.

Необходимо отметить, что далеко не всегда принятое полковым и батальонным судом решение сохранялось неизменным при вынесении даже обвинительного приговора. Сентенция суда поступала сначала к тому из представителей армейского генералитета, под чьим командованием состояла соответствующая воинская часть, который мог как согласиться с ней, так и изменить предложенную меру наказания. В свою очередь, его мнение рассматривалось генерал-аудиторской экспедицией Военной коллегии, также обладавшей полномочиями выносить свой вердикт. Причем в большинстве случаев генерал-аудитор и чиновники Военной коллегии, как правило, предпочитали смягчить наказание и не следовать в точности нормам Артикула Воинского²⁷ [7, с. 84–85, 89–91]. Здесь можно привести целый ряд примеров, иллюстрирующих подобную тенденцию.

В 1761 г. после продолжавшегося несколько лет следствия над капралом Якутского гарнизонного пехотного полка В. Мясниковым последний был признан виновным в грабеже, поборках и взятках с ясачных братских тунгусов, а кроме того, еще и в тяжком преступлении – причинении увечий и телесных повреждений собственной жене, скончавшейся после почти полугодовых побоев и садистских издевательств. Военный суд под председательством премьер-майора А. Белевица вынес обвиняемому смертный приговор, с которым согласился также бригадир и комендант г. Селенгинска В. В. Якоби: «Учинить смертную казнь, повесить, о чем и я мнением моим согласен, а наиболее все то оставляю вышнему соизволению и разсуждению»²⁸. Однако при конфирмации приговора Военная коллегия сочла возможным сохранить Мясникову жизнь, и в окончательной редакции наказание для него выглядело следующим образом: «От приговоренной смертной казни свободить, а учинить наказание, бить кнутом и, поставя указные знаки, послать на Нерчинские заводы в работу вечно, и сверх того учинить ему церковное покаяние»²⁹. Таким образом, даже насильственная смерть супруги при отягчающих обстоятельствах не стала для высшей инстанции достаточной причиной, чтобы утвердить виновному смертный приговор.

В 1755 г. точно так же избежал смертной казни солдат Якутского полка Г. Казанцов, пойманный за кражей вещей в Кяхтинской пограничной таможне и перевозом через границу для сбыта китайцам казенных кож и муки. Поскольку он уже и ранее был уличен в краже казенных денег, за что понес наказание шпицрутенами, бригадир Якоби снова согласился с приговором военного суда. Зато в Военной коллегии было вынесено следующее решение: «Хотя означенному салдату смертную казнь учинить правильно приговорено, однако ж он... лет состоит еще не весьма престарелых, и в казенной работе еще может быть доволное время. Того ради приказали для оных резонов, а паче для многолетнего ея императорского величества и их императорских высочеств здравия и ея ж императорскаго величества благополучного государствования помянутого салдата... от смертной казни избавить, а вместо того в страх другим учинить ему наказание кнутом и, вырезав ноздри, определить в Сибири вечно на казенные заводы в работу»³⁰. И в этом случае, как видим, несмотря на ущерб, понесенный казной, и рецидивистский характер совершенного преступления не привели к точному исполнению норм Артикула, сразу по нескольким статьям предусматривавшего за подобные деяния именно смертную казнь.

Аналогичную схему мы можем проследить и по делам, связанным с теми или иными нарушениями военной дисциплины и государственных законов в материально-имуще-

²⁶ РГВИА. Ф. 8. Оп. 10. Д. 2837. Л. 154–162.

²⁷ Проскуракова М. Е. «Бежав ис полку...»: феномен дезертирства в контексте истории судебной практики первой половины XVIII в. // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 8: История. С. 84–85, 89–91.

²⁸ РГВИА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1605. Л. 72 об.

²⁹ Там же. Л. 74.

³⁰ Там же. Д. 1724. Л. 34 об. – 35.

ственном и финансовом отношении. Так, в 1761 г. на рассмотрение губернатору Ф. И. Соймонову поступила из Сибирской гарнизонной канцелярии от командующего генерал-майора К. Л. фон Фраундорфа сентенция военного суда, согласно которой секунд-майор Новоучрежденного драгунского полка А. Тарасов подлежал разжалованию на год в солдаты за слабое поддержание дисциплины среди подчиненных ему в Барнаульском заводе солдат и казаков, а также использование их на работах для собственных нужд (заготовка и перевозка для продажи сена, рыбные ловли и т. д.). Сам Фраундорф попытался смягчить наказание, предложив просто оштрафовать Тарасова вычетом жалования за полгода³¹. Однако губернатор посчитал такую меру все же недостаточной: «Положенного по мнению гарнизонной канцелярии одного из жалованья вычету признаваецца быть недовольно». Вместе с тем, принимая во внимание, что «в означенных ево винах высокому ея императорского величества интересу великаго вреда и убытку не заключаетца, а особливо на пограничных линиях при командах в афицерах всегдашняя и немалая требуетца нужда»³², Соймонов также не настаивал на разжаловании виновного в солдаты, а просто предложил перевести его на полгода из штаб-офицеров в обер-офицеры (в чин капитана) с сохранением на этот период вычета из его жалования.

Свои соображения он отослал в Военную коллегию, где после затянувшегося еще на полтора года рассмотрения дела утвердили и вовсе смехотворный (по действующим нормам Артикула) приговор – наказать Тарасова арестом на три месяца, даже без временного понижения в чине. Самое удивительное, что в данном случае провинившийся офицер даже не был дворянином по происхождению, в его послужном списке значилось «помещичий человек Серпуховского уезда» (т. е. выходец из крепостных или дворовых людей), сумевший достигнуть штаб-офицерского чина. Более того, в 1744 г. он уже находился под следствием по обвинению в присвоении части казенных денег, которые вез в Кузнецк для выдачи жалования в полку, следовательно, его повторный проступок мог быть квалифицирован как рецидивирующее деяние³³. Но ни одно из этих соображений, как видим, Военная коллегия не стала принимать во внимание, фактически определив ему минимальное наказание.

Совершенно вопиющий случай произошел в 1765 г., когда в партии офицеров под командой подполковника К. Пекурина, следовавших из Западной Сибири в Забайкалье для зачисления в состав только что сформированного Селенгинского пехотного полка, прапорщик А. Ерохин нанес в ссоре смертельное ножевое ранение поручику Г. Чичагову, который, проболев три недели после этого, скончался. Шокированный произошедшим, генерал-майор В. В. Якоби распорядился произвести следствие не только над обвиняемым, но и над другими офицерами из состава партии, в том числе и ее командиром «по разным доносительствам и показаниям в проследовании с командою чинимых по тракту доволных непорядках». А поскольку штаб-офицеров, превосходящих чином подполковника Пекурина, в Забайкалье на тот момент просто не было, Якоби запросил специальную санкцию на осуществление следствия у командующего Сибирским корпусом генерал-поручика И. фон Шпрингера. В ходе расследования выяснилось, что Пекурин совершенно не умел заставить подчиненных уважать себя как командира и исполнять распоряжения по команде. В частности, Ерохин неоднократно отзывался о командире партии матерной бранью, однажды избил подполковничьего денщика, а Чичагову нанес смертельное ранение, когда тот пытался заставить его исполнить приказ – явиться к командиру. Более того, когда Ерохин уже содержался в Томске в тюремном остроге, к нему явился поручик И. Попов, чтобы показать те рапорты о произошедшем, которые Пекурин адресовал генерал-майору Якоби, после чего уничтожил бумаги³⁴.

³¹ РГВИА. Ф. 8. Оп. 2. Д. 121. Л. 209–209 об.

³² Там же. Л. 210.

³³ Там же. Ф. 490. Оп. 1. Д. 281. Л. 113 об. – 114; Д. 367. Л. 4 об. – 5; Д. 439. Л. 6 об. – 7, 132 об. – 133.

³⁴ РГВИА. Ф. 8. Оп. 4. Д. 411. Л. 422–423 об.

К следствию оказались привлечены также поручик А. Дурнов, по сути, поощрявший покойного Чичагова к тому, чтобы попробовать отвести Ерохина к командиру силой, и присутствовавшие в момент их ссоры сержант, капрал и шестеро рядовых. Последним было поставлено в вину то, что никто из них не попытался разнять офицеров и предотвратить роковой удар или хотя бы срочно донести подполковнику о том, что происходит. Впрочем, судьи решили, что их вина не столь значительна, поскольку в нее «впали они не с умыслу, но с простоты и оплошности, а салдаты и от незнания по недавнему их в военную службу из выведенных из Польши определению»³⁵, так что всех их определено было лишь наказывать батогами. Прапорщик Ерохин был приговорен военным судом к смертной казни, да еще и одним из наиболее мучительных способов – колесованием. Тем не менее, Военная коллегия все-таки сочла возможным сохранить ему жизнь, вынеся следующее решение: после отбытия церковного покаяния в течение шести недель отправить Ерохина в каторжные работы на Нерчинские заводы сроком на пять лет, после чего вернуть его на военную службу рядовым с наложением запрета на производство в чины³⁶. Трудно сказать, чем именно руководствовались генерал-аудитор и члены коллегии, вынося такой приговор. Возможно, они посчитали, что подсудимый, будучи еще довольно молодым человеком (не старше 30 лет), в состоянии принести пользу казне и государству, сначала каторжником, потом солдатом. Как бы то ни было, это единственный известный нам пример, когда офицер, совершив убийство одного из своих сослуживцев, не был казнен.

Таким образом, анализируя содержание всех рассмотренных выше судебносудебных дел, мы можем отметить следующие характерные моменты. Во-первых, выносимые полковыми судами (кригсрехтами) приговоры оказывались наиболее суровыми, в полной мере соответствуя нормам Артикула Воинского, а по мере поступления их на рассмотрение вышестоящих инстанций наказания для виновных, как правило, смягчались, иногда даже заменяясь гораздо более легкими. Как правило, военные власти руководствовались, очевидно, соображениями служебной необходимости или практической целесообразности, в зависимости от тяжести преступлений и возможного ущерба, понесенного в результате противоправных действий государством. Это придавало всей системе военного правосудия известную гибкость, хотя с течением времени стало приводить и к определенному падению дисциплины в рядах русской армии к концу XVIII в.

Во-вторых, в целом ряде случаев оказывались привлеченными к следствию командиры тех подразделений, в составе которых служили обвиняемые. Случаи с комендантом Кашаевым и подполковником Пекуриным наглядно иллюстрируют принцип, согласно которому непосредственный начальник несет ответственность за возможные проступки собственных подчиненных, зафиксированный, в частности, в гл. 17 Артикула: «А офицеров, которые к сему повод дали... или рядовых каким-нибудь образом к тому допустили, оных наказывать лишением чести, имения и живота»³⁷. Трудно сказать, до какой степени коллективная ответственность могла способствовать поддержанию дисциплины и порядка среди военнослужащих. Заметим, что в самом Артикуле содержались отчасти противоречащие друг другу положения – так, в толковании к одной из статей гл. 3 заявлено: «Ибо начальнику принадлежит повелевать, а подчиненному послушно быть», тогда как в гл. 5 сформулировано: «Команда офицерская более не распространяется над салдатами, токмо сколко его величества и его государства польза требует. А что к его величества службе не касается, то и должность салдатская того не требует чинить»³⁸. Тем не менее, военные суды старались дифференцированно подходить к оценке степени вины каждого из подсудимых, руководствуясь таким взглядом и при вынесении приговоров.

³⁵ РГВИА. Ф. 8. Оп. 4. Д. 411. Л. 423 об.

³⁶ Там же. Л. 426–431.

³⁷ Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. М., 1986. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма. С. 352.

³⁸ Российское законодательство... Т. 4. С. 333, 338.

В-третьих, еще одной особенностью оказывалось заметное участие гражданских лиц и местных властей в рассмотрении случаев, касавшихся не только военнослужащих, но и представителей разных групп населения. Однако из этого не следует, что военные власти могли ставить себя выше администрации и действовать в обход нее. Рассмотренные выше дела свидетельствуют, что органы военного судопроизводства нередко сотрудничали и прибегали к содействию гражданских властей в ходе того или иного расследования, а ведомственные конфликты в этой среде не были частым явлением. В целом же, пожалуй, можно заключить, что функционирование системы военных судов в армейских частях, расквартированных на востоке империи, отличалось достаточно точным соблюдением формальных правил, регулирующих данную сферу, но вместе с тем носило достаточно гибкий характер, позволявший зачастую отступать от буквального применения чрезвычайно суровых норм действовавшего законодательства.

Список литературы

Розенгейм М.П. Очерки истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб.: Тип. М. Эгтингера, 1878. 377 с.

Петухов Н.А. История военных судов России. М.: НОРМА, 2003. 345 с.

Серов Д.О. Судостроительство и судопроизводство в России накануне судебной реформы Петра I: тенденции развития (1696–1716 гг.) // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2008. Вып. 7: Источник и его интерпретации. С. 92–138.

Серов Д.О. Забытые редакции Артикула воинского и «Краткого изображения процессов или судебных тяжб». (Из истории кодификации военного законодательства России XVIII в.) // Lex Rossica. № 2 (Т. LXXV). Февраль 2013. С. 113–121.

Калашиников Г.В. Офицеры под судом и следствием. Из истории офицерского корпуса русской армии (1725–1745) // Кодекс-info. 2000. № 2. С. 80–87.

Азнабаев Б.А. Правонарушения служащих дворян Оренбургского корпуса во второй половине XVIII в. // Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII в. М., 2012. С. 494–520.

Проскурякова М.Е. «Бежав ис полку...»: феномен дезертирства в контексте истории судебной практики первой половины XVIII в. // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 8: История. С. 82–92.

A. V. Dmitriev*

Military Proceedings in the Army Units at the Territory of Siberia in the 18th Century: Official Mechanism and Real Practice

This article focuses on the functions of military judicial departments in the Russian regular army units stationed in Siberia in 18th century. The author reviews accusatory cases and sentences shedding light on the functioning mechanisms of these departments. It appears that higher military command (Siberian Corps command, general-audit expedition of War Collegium) often reduced sentences rendered by regiment courts, if the accused served in those units. In some cases the commanders bore disciplinary responsibility because of their subordinates' crimes, and sometimes even civil authorities were involved in investigation and court procedures.

Key words: Russian army, military proceedings, Siberia, 18th century

Статья поступила в редакцию 5.07.2018

---

* **Andrey Vladimirovich Dmitriev** – Candidate of Sciences (History), associate professor, Novosibirsk State University. E-mail: khaldeus@academ.org